

Общие (севернопермяцкие) и частные (местные) особенности в фонетике и морфологии мысовского диалекта коми-пермяцкого языка

При написании данной статьи мы опирались на работы пермистов Г. А. Нечаева [1931], В. И. Лыткина [1929; 1952; 1955; 1957], А. С. Кривошековой-Гантман, Л. П. Ратеговой [1980], Р. М. Баталовой [1972; 1975], А. С. Лобановой [1992; 1993], Р. П. Дмитриевой [1995а; 1995б; 1997; 1998], прямо или косвенно затрагивающих в своих трудах вопросы коми-пермяцкой диалектологии. Источником по мысовскому диалекту также послужил диалектологический материал, собранный автором статьи во время полевых экспедиций в 1999–2001 гг. непосредственно от носителей исследуемого диалекта.

Согласно Р. М. Баталовой [1975: 210–220], севернопермяцкое наречие ныне представлено говорами кочёвского, косинско-камского, мысовского и верх-лупьинского диалектов коми-пермяцкого языка, которые расположены на территории трех административных районов Коми-Пермяцкого автономного округа: Кочевского, Косинского и Гаинского. В данной работе верх-лупьинский диалект рассматривается в качестве говора мысовского диалекта. Носители исследуемого нами диалекта ныне проживают в поселках Жемчужный, Верх-Будым, Кебраты, Шордын и в деревнях Мысы, Конопля, Сойга. Все вышеуказанные населённые пункты ныне входят в состав Кебратского поселкового совета Гаинского района. На юге территория мысовского диалекта граничит с говорами косинско-камского диалекта пермяцкого языка, на севере – с эловыми говорами верхневьичегодского диалекта зырянского языка, на западе – с территорией, заселенной русскоязычным населением.

В фонетике и морфологии исследуемого диалекта наблюдаются как общие (севернопермяцкие), так и местные явления.

В области фонетики мы можем выделить следующие общие (севернопермяцкие) особенности:

1) сохранение первичного твердого *л* во всех позициях слова (в южных (взовых) говорах первичный *л* переходит в *в*, *в'*, *и*, или же *о*). В мысовском диалекте твердый *л* наличествует в:

а) анлауте, напр.: коч., к-кам., мыс. *локны* 'прийти' (южн. *вокны*);

б) инлауте в положениях: (-)VлV(-), напр.: коч., к-кам., мыс. *о'лам* 'живем' (южн. *о'ам*); (-)СлV(-), напр.: коч., к-кам., мыс. *шу'ллиц* 'он наговорил' (южн. *шув'вис*); (-)VлС(-), напр.: коч., к-кам., мыс. *дома'лны* 'завязать' (южн. *дома'вны*);

в) ауслауте, напр.: коч., к-кам., мыс. *в'ол* 'лошадь' (южн. *в'ов*).

2) спорадический переход первичного *в* русских заимствований в *л*, что не наблюдается в взовых говорах южного наречия, напр.: коч., мыс. *с'олс'эм* 'совсем' (южн. (взовое) *совс'эм*); к-кам. *лот* 'вот' (южн. *вот*);

3) употребление в исконных словах звука *о* вместо *о̆* южных диалектов, напр.: коч., к-кам., мыс. *кор* 'когда' (южн. *к'ор*), коч., к-кам., мыс. *ко'да* 'который' (южн. *к'о̆да*);

4) широкое функционирование фонемы *о̆*, встречающейся в русских заимствованиях на месте *о* говоров южного наречия, напр.: коч., к-кам., мыс. *г'од* 'год' (южн. *г'од*), коч., к-кам., мыс. *ро̆д* 'род' (южн. *ро̆д*).

В области морфологии наблюдается:

1) употребление показателя датива при выражении причинности действия (в южных диалектах при выражении данного значения выступает форма эгрессива), напр.: коч. *мы'йл'о̆ эз при'мит?* 'отчего не принял?' (южн. *мы'йс'ан' эз при'мит?*), к-кам. *чш'к'от'о̆мысл'о̆ т'и'эз до'йм'оны* 'из-за доения руки болят' (южн. *выс'тис'о̆мысл'с'ан' ки'эз вис'о̆ны*), мыс. *джын наро̆д тшы'гл'о̆ кулис* 'половина людей от голода умерла' (южн. (взовое) *джын о'т'ир тшы'кс'ан' куис'о̆*);

2) использование конзекутива для обозначения цели действия (в речи южных пермяков в указанной функции выступает датив), напр.: коч. *мунны пэ'сла* 'идти за дровами' (южн. *мунны пэ'св'о̆*), к-кам. *вэ'т'лис ч'о̆д'ла* '(он) сходил за черникой' (южн. *вэ'т'вис чэ'ри'г'ка'о̆*), мыс. *муна ва'ла* 'иду за водой' (южн. (взовое) *муна ва'о̆*).

3) функционирование частицы *мэд* в значении 'пусть, пускай' (в говорах южного наречия в значении 'пусть, пускай' употребляется частица *ас'*), напр.: коч. *мэд ги'ж'о̆* 'пусть пишет' (южн. *ас' ги'ж'о̆*), к-кам. *мэд си'а ды'нам о'л'о̆* 'пусть он у меня (при мне) живет' (южн. (взовое) *ас' си'а ды'нам о'о̆*), мыс. *мэд ло'ктас* 'пусть придёт' (южн. (взовое) *ас' во'ктас*);

4) широкое употребление отрицательного слова *а'бу* в значении 'не' (в языке южных пермяков в этом значении чаще выступает русская частица *н'э*), напр.: коч. *си'а по'ныс а'бу мэ'нам* 'та

собака не моя' (южн. *си'йа по'ныс н'э мэ'нам*), к-кам., мыс. *мэ а'бу та'тис'* 'я не отсюда' (южн. *мэ н'э та'тис'*).

К частным (местным) фонетическим и морфологическим особенностям, отличающим данный диалект от других говоров северного наречия коми-пермяцкого языка, можно отнести:

1. В области фонетики:

1) спорадическое функционирование в инициале пермяцкого слова протетического *в*, нехарактерного для других северных диалектов, напр.: мыс. *э'гö во'шлö* '(мы) не заблуждались', коч., к-кам. *э'гö ö'шлö*, мыс. *во'рсны* 'играть', коч., к-кам. *о'рсны*;

2) наличие в интервокальном положении неэтимологического *й*, необнаруженного в кочевском и косинско-камском диалектах северного наречия, напр.: мыс. *куй'им* 'три', коч., к-кам. *ку-и'м*, мыс. *бийа'сны* 'включить свет, зажечь костер', коч., к-кам. *бийа'сны*;

3) непостоянное употребление в верх-лупьинском говоре исследуемого диалекта полумягкого звука *л* на месте твердого *л* других северных диалектов. Вариант фонемы *л - л* возможен в:

а) анлауте, напр.: *лэ'балис* '(он) летал', коч., к-кам. *лэ'балис*;

б) инлауте в положениях: (-)VIV(-), напр.: *с'ы'лö* 'поет', коч., к-кам. *с'ы'лö* 'поет'; (-)VIC(-), напр.: *ны'лсö* 'дочь-то', коч., к-кам. *ны'лсö*; (-)CIV(-), напр.: *со'йлэн* 'у сестры', коч., кам. *со'йлөн*;

в) ауслауте, напр.: *ныл* 'дочь', коч., к-кам. *ныл*;

4) спорадическое наличие в верх-лупьинском говоре рассматриваемого диалекта звука *э* в первом слоге слова вместо *ö* других северных и южных диалектов. В мысовском диалекте звук *э* в указанной позиции зафиксирован:

а) в суффиксах глагольных форм единственного и множественного числа II (неочевидного) прошедшего времени (-*эма*, -*эмас'*), напр.: *по'лз'эмас'* '(они) испугались, оказывается', коч., к-кам. *по'лз'ö мас'*;

б) в показателях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени (-*э*, -*эны*), напр.: *су'лалэ* 'стоит', коч., к-кам. *су'лалö*;

в) в суффиксе 2-го лица множественного числа повелительного наклонения положительного спряжения (-*э*), напр.: *дзэ'бэ* '(вы) похороните', коч., к-кам. *дзэ'бö*;

г) в показателе множественного числа отрицательных глаголов повелительного наклонения (-*э*), напр.: *э'нэ* '(вы) не', коч., к-кам. *э'дö*;

д) в составе суффикса понудительного залога (-эт), напр.: *мис'с'э'тны* 'вымыть', коч., к-кам. *мис'с'ө'тны*;

е) в деепричастном показателе (-эмөн), напр.: *оклас'эмөн* 'качаясь из стороны в сторону', коч., к-кам. *оклас'өмөн*;

ж) в словообразовательном суффиксе (-эм), напр.: *дзо'лгэмыс* 'журчание-то', коч., к-кам. *дзо'л'гөмыс*;

з) в лично-притяжательных суффиксах 1-го лица единственного числа (-э, -эй), напр.: *бат'э* 'мой отец', коч., к-кам. *бат'ө*;

и) в показателях следующих падежей: аккузатива (-эс), напр.: *ми'йанэс* 'нас', коч., к-кам. *ми'я'нөс*; адессива (-лэн), напр.: *ту'лэн* 'у дерева', коч., к-кам. *ту'лөн*; датива (-лэ), напр.: *ны'лэ* 'им', коч., к-кам. *ны'лө*; инструментальная (-эн), напр.: *шат'эн* 'вицей', коч., к-кам. *шат'өн*; иллатива (-э), напр.: *кэр'каэ* 'в дом', коч., к-кам. *кэр'куө*; терминатива (-эдз), в том числе и в наречных формах, напр.: *о'йшорэдз* 'до полуночи', коч., к-кам. *о'йшорөдз*;

к) в корне слова, напр.: *кэр'эсын* 'на горе', коч., к-кам. *кэр'рө'сын*;

II. В области морфологии:

1) функционирование показателя множественного числа существительных в виде -йээ, напр.: *чулки'йээ* 'чулки', *бал'айээ* 'овцы', *мо'ртйээ* 'люди'. Формант множественности -йээ имеет место также в центральных говорах косинско-камского диалекта, напр.: *ну'рийээ* 'болота', *вө'рийээ* 'леса' [Дмитриева 1998: 12]. В кочевском диалекте суффикс -йээ не зафиксирован [Лобанова 1993: 9].

2) sporadическое употребление наряду с -ө(-э) форманта -өй(-эй), указывающего на принадлежность предмета 1-му лицу индивидуального обладателя (последний не наличествует в других северных диалектах), напр.: *мыс. зо'нөй* 'мой сын', коч., к-кам. *зо'нө*, *мыс. пин'эй* 'мой зуб', коч., к-кам. *пин'ө*;

3) использование формы элатива в сравнительном значении (в других диалектах северного наречия в данном значении выступает преклюзив), напр.: *мыс. си'йа вө'ли мэ'ис' то'мжык* 'он был моложе меня', коч., к-кам. *си'йа вө'ли мэ'с'с'а то'мжык*;

4) функционирование специфического обобщенно-определятельного местоимения *став* в значении 'все, всё' (в кочевском диалекте данные значения выражаются при помощи местоимений *быдө'нныс*, *быдө'с*, в косинско-камском -*дөс*), напр.: *мыс. ө'ни ө'д'д'өн бога'төс' став'ыс* 'нынче очень богатые все', коч. *ө'ни ө'д'д'өн бога'төс' быдө'нныс*, к-кам. *ө'ни ө'д'д'өн бога'төс' дөс*;

5) широкое употребление глагольного суффикса *-ал*, выражающего длительное, рассредоточенное (разбросанное) в пространстве и во времени действие, что не является характерным как для кочевского диалекта, так и для большинства говоров косинско-камского диалекта напр.: мыс. *рöзöриталöмас'* '(они) разорили во многих местах', коч., к-кам. *рöзöритöмас'*, мыс. *вунöтали* '(я) забыла многие вещи', коч., к-кам. *вунöти*;

6) наличие деепричастных суффиксов *-иг*, *-игын*, несвойственных для других северных диалектов, напр.: мыс. *муниганыс* '(они) идя', коч., к-кам. *муниканыс*, мыс. *мэнам быдмигын* 'во время моего взросления', коч., к-кам. *мэнам быдмикö*. Деепричастный показатель *-иг*, имеющий место в косинско-камском диалекте, является малопродуктивным [Дмитриева 1998: 16];

7) функционирование несерийных послелогов: а) *чöж* со значением 'в течение, в продолжение, во время чего-либо' (в других диалектах северного наречия в указанном значении выступает послелог *ко'ста*), напр.: мыс. *война чöж* 'в течение войны', коч., к-кам. *война ко'ста*; б) *ног* (в остальных северных диалектах — *н'ож*), соответствующего русской приставке *по-*, напр.: мыс. *мöд ног* 'по-другому', коч., к-кам., *мöд н'ож*;

8) употребление частиц, нехарактерных для других северных диалектов: а) *н'ин* 'уже', напр.: мыс. *вэтли н'ин* '(я) сходила уже', коч., к-кам. *вэтли н'и*; б) *на* 'еще', напр.: мыс. *мэ том на* 'я еще молодая', коч., к-кам. *мэ том эшö*.

Явления, отличающие мысовский диалект от других севернопермяцких диалектов, имеют место в диалектах зырянского языка [ССКЗД: 456–487], что позволяет говорить о бывших тесных контактах между мысовскими пермяками и коми-зырянами.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

к-кам. — косинско-камский; *коч.* — кочевский; *мыс.* — мысовский; *южн.* — южные диалекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баталова Р. М. Роль периферийных диалектов в изучении истории развития языка (на материале коми-пермяцкого и коми-зырянского языков) // Вопросы советского финно-угроведения: Языкознание: Тезисы докл. и сообщ. на Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР). Саранск, 1972. С. 106–108.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975а. 252 с.

Дмитриева Р. П. Некоторые морфологические особенности косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка // Материалы научных

трудов финно-угорского факультета. Февральские чтения 8–11 февраля 1995 г. Сыктывкар, 1995. С. 33–36.

Дмитриева Р. П. О некоторых фонетических особенностях косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка // Научная конференция студентов, аспирантов и стажеров, посвященная памяти Н. А. Фролова. Сыктывкар, 1995б. С. 25.

Дмитриева Р. П. О некоторых морфологических особенностях косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы I Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 1997. С. 485–486.

Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка: фонетика, морфология: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. 18 с.

Кривощекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры: Учебное пособие. Пермь, 1980. 69 с.

Лобанова А. С. О некоторых фонетических явлениях кочевского диалекта коми-пермяцкого языка // IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова, 17–29 мая 1992 г.: Тезисы докл. Сыктывкар, 1992, С. 48–51.

Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.

Лыткин В. И. Материалы по коми грамматике (обоих наречий). М., 1929. 47 с.

Лыткин В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952. 174 с.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем. Ч. I. М., 1955. 128 с.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957. 135 с.

Нечаев Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М., 1931. С. 14–32.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. 492 с.